

УДК 343.131

М. П. Поляков

*профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

О СОЦИАЛЬНОМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Социальное благополучие государства в немалой степени зависит от эффективности системы правоохранительных инструментов, защищающих общество от преступности. Важнейшим элементом этой системы является уголовное судопроизводство. Какие бы доводы ни приводились в противовес традиционной установке, позиционирующей уголовный процесс основным средством борьбы с преступностью; какими бы лукавыми словесными формулами (например, «компромисс с преступностью») ни дезориентировали его антикриминальную нацеленность; каким бы хитроумным образом ни выставляли судопроизводство в первую очередь покровителем и защитником обвиняемых, — уголовный процесс не перестает быть непримиримым антагонистом преступности, сурово карающим мечом отечественного правосудия.

Именно эта роль, неотвратимо воздающая преступникам по заслугам, составляет существо подлинного социального предназначения уголовного процесса, выражающего глубинные народные мечты и надежды по общественной гармонии. Душевно-интуитивные народные чаяния, многовековая тоска по правде и справедливости вложены в уста народного киногероя Глеба Жеглова, хлестко сформулировавшего суть социального запроса в области борьбы с преступностью: «Вор должен сидеть в тюрьме».

В этой простой, но глубокой формуле закодирована не только задача органов предварительного следствия, но и подлинное народное ощущение социального предназначения уголовного судопроизводства, вся философия и идеология народного понимания настоящего правосудия. Народ ждет от уголовного судопроизводства не просто посильных правоохранительных услуг, он жаждет настоящих антикриминальных чудес. И это не просто наивные народные притязания, навеянные душевными представлениями о неизбежном воздаянии злодеям. Это вполне предсказуемый отклик на предостережения государства одним членам социума и обязательства перед другими, которые некогда сформулировала сама система уголовного судопроизводства, взявшая на себя обязанность карать всех преступников и защищать каждого человека; защищать как от преступлений, так и от несправедливого судопроизводства. Тем самым государство в сфере борьбы с преступностью обязалось перед народом творить чудеса неотвратимости уголовной ответственности, причем обязалось на уровне закона.

Напомним, что образ этого чуда советский уголовный процесс не стеснялся закреплять в тексте правовых норм. Часть первая статьи 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР ставила перед уголовным процессом амбициозную задачу действовать так, чтобы «каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» [1].

Государственный замах на чудо — это не только выражение государственных властных амбиций, не только назидание потенциальным преступникам, это еще и законодательное воплощение социального предназначения уголовного процесса, нормативная фиксация образа, который наиболее адекватен общественным потребностям в сфере судопроизводства во все времена. И даже в новых, далеких от чудесных обязательств формулировках назначения уголовного процесса (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), даже в ауре безутешной статистики приостановленных уголовных дел и пессимистической атмосфере авторитетных сожалений о том, что «существуют уголовные дела, по которым истина не будет установлена никогда», глубинный социальный запрос относительно предназначения уголовного судопроизводства не опускается с небес на землю [2].

Впрочем, приземлить генерируемые социальными потребностями чудесные устремления уголовного судопроизводства иногда пытается сама юридическая наука. Распространенный ныне деконструктивный скептицизм пытается расшатать основополагающие понятия, через которые стремится выразить себя социальное предназначение уголовного процесса; принижению и даже осмеянию подвергаются концепты истины и справедливости, на которых и выросла народная мечта о судопроизводстве.

Полагаем, что это научное направление в корне противоречит постижению сути социального предназначения уголовного судопроизводства. Современное общество в своих представлениях о справедливом уголовном правосудии нуждается не в аргументации невозможности чудес, не в эмоциональной идеологической констатации недостижимости истины и справедливости; оно заинтересовано в поиске процедурной технологии, которая бы гарантировала чудо.

Именно чудо! Социальную потребность в уголовно-процессуальном чуде отчетливо осознавал основатель Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов профессор В. Т. Томин. В его понимании сложился образ этой потребности и предчувствие того, что при определенном усилии научной мысли и практической воли возможно сотворить «первое в истории человечества юридическое чудо — уголовный процесс, который бы полностью обеспечивал неотвратимость ответственности» [3, с. 11].

В русле размышлений о философских сторонах социального предназначения уголовного процесса к нам пришло понимание того, что В. Т. Томин слово «чудо» в обоснование своих тезисов применил неслучайно. Слово «чудо» в контексте осмысления социального предназначения судопроизводства — это не просто метафора, не просто риторическая хитрость; слово «чудо» — это подлинное и глубокое понимание того, чего жаждет от уголовного судопроизводства общество. В своей книге профессор В. Т. Томин даже не берет это слово в кавычки. Это слово для него своеобразный проводник в мир уголовно-процессуальной мечты. Социальное предназначение уголовного процесса в народном сознании как раз и формируется как образ мечты, как образ чудесного уголовного процесса, которому под силу обеспечить социальную справедливость по всем уголовным делам.

Представляется, что социальное предназначение уголовного процесса идеологически может быть выражено через концептуально близкие образы чуда и мечты. Их предназначение заключается в том, чтобы задавать высочайшую планку для развития уголовно-процессуальной науки и практики. Науке не нужно выдумывать фантастические цели; достаточно просто адекватно распознать социальный запрос на образ судопроизводства, отвечающий чаяниям общества. В сущностном смысле этот запрос может быть маркирован в первую очередь словом «справедливость». Именно потребность человечества в социальной справедливости и определяет образ «уголовного процесса мечты».

Сам мечтательный подход, выводимый из стихийного понимания социального предназначения уголовного судопроизводства, позволяет формировать новую идеологию и методологию познания сущности уголовного процесса. Этот подход позволяет посмотреть на историю развития процесса, как на удивительную эволюцию общественных притязаний на правду и справедливость, притязаний наивных и возвышенных, смелых и робких, светлых и темных, рациональных и иррациональных. Эта методология поможет разглядеть парадоксальные метаморфозы, происходящие в ядре и орбите самой «идеи уголовного процесса». Без образа социального предназначения, без образа «уголовного процесса мечты» не может быть адекватной уголовно-процессуальной идеологии, в которой так нуждается современное уголовное судопроизводство.

Настоящая идеология современного уголовного процесса, если задуматься, предполагает в первую очередь глубинное понимание социального назначения уголовного судопроизводства. А для этого нужно чуть иначе обозначить формулу «социальное предназначение», чтобы она зазвучала максимально по-русски, как «народное предназначение», и в атмосфере постижения «народного предназначения» озадачиться вопросами: Что значит (должен значить) уголовный процесс для народа в самом широком смысле слова «значение». Каким он должен быть, чтобы слова «отечественный уголовный процесс» не были про-

сто изящным оборотом речи? А для этого нужно выйти из обольщения сугубо технологических представлений о процессе.

Мы привыкли представлять уголовное судопроизводство как государственный инструмент, призванный решать в первую очередь государственные задачи. И решать технически. Не зря любимым эвристическим инструментом у процессуалистов является метафора механизма. Однако глубинная идеология уголовного процесса требует более широкого взгляда на уголовный процесс. Идеология должна не только презентовать судопроизводство как технологию, но предьявлять его народу как феномен культуры и даже как ноумен более тонкой природы?

Современная уголовно-процессуальная наука лишь интуитивно ощущает эту задачу. Пока же она пытается ставить и решать вопросы идеологии в рамках сложившейся парадигмы. Идеологические гипотезы и теории не выходят далее границ, очерченных типологией уголовного судопроизводства, которая и сама нуждается в серьезном пересмотре. Основные идеологические баталии разворачиваются преимущественно вокруг таких концептов, как «состоятельность» и «розыск» («инквизиционность»). В этом теоретическом поле исследователям открываются многие идеологические нюансы, ранее ускользавшие от теоретического взора. Однако сами исследователи чувствуют, что основные «залежи» ключевых идей и концептов находятся гораздо глубже.

Поиски новых точек опоры выводят на дополнительные концепты, в частности, на сущностное осмысление формулы «отечественный уголовный процесс». Однако юридическая наука уже в первом приближении к понятию «отечественный уголовный процесс» осознает, что ей не хватает нужной точки опоры. Типология уголовного процесса уже не может выполнять роль надежного фундамента. Идеологические основы уголовного судопроизводства требуют перехода с типологического уровня на уровень цивилизационный. И здесь на первый план исследования выходят не только государственные цели, но и цивилизационные ценности.

В рамках цивилизационно-идеологического взгляда такая ценность народа, как «справедливость», трактуется не только рационально, а интерпретируется в рамках ценностно-рационального подхода. Возможно, что в контексте этого обновленного понимания справедливости иначе будет видеться и принцип неотвратимости наказания. Да и другие принципы уголовного процесса получат иное смысловое звучание. Теория раскроет истинный смысл формулы «принципы уголовного процесса суть духовные ценности народа», явившийся представителям Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов [4, с. 101]. И эта формула выйдет из-под шлейфа непонимания и иронии. Если правильно расставить аксиологические акценты, то можно понять, что эта на первый взгляд несуразная

формула означает, что не народ должен принимать принципы уголовного процесса в качестве своих духовных ценностей, а отечественный уголовный процесс должен интегрировать в себя эти ценности и на их духе творить собственные принципы. Именно тогда в уголовном процессе будет не только энергия, но и дух. Именно тогда и будет раскрыта сущность «живого уголовного процесса».

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : 27 окт. 1960 г. : принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 окт. 1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)
2. Цветков Ю. А. Приостановить нельзя прекратить // Уголовный процесс. 2020. № 12. С. 10–12. [Вернуться к статье](#)
3. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1991. 240 с. [Вернуться к статье](#)
4. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2009. 376 с. [Вернуться к статье](#)